

У. Джеймс как основатель психологии личности

*Л. П. Буева (Институт философии Российской академии наук)**

W. James as a founder of personality psychology

L. P. Bueva (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

Аннотация: Рассматриваются взгляды американского философа и психолога Уильяма Джеймса (1842—1910), которого считают создателем психологии личности. Он отмечал, что в современном человеке парадоксально уживаются исторически противоположные черты: «эмпирический склад мысли» и «непогашенный огонь религиозности». Вывод, который Джеймс сделал из данного парадокса, прозвучал как крамола, сближающая его автора, пожалуй, лишь с Фрейдом: иррациональный опыт человека будто бы ничуть не менее продуктивен, чем его разум, а самые подлинные человеческие ценности — те, которые не нуждаются в обязательном логическом обосновании.

Ключевые слова: философия, психология, личность, сознание, воля, самоактуализация, иррациональность, разум.

Abstract: The ideas of the American philosopher and psychologist William James (1842—1910) are discussed, who is viewed as a founder of personality psychology. He pointed out that in modern man historically opposite traits paradoxically hang together: «empirical way of thinking» and «unextinguished fire of religiosity». The conclusion James drew from this paradox sounded as a discord, which brought its author closer to Freud: irrational experience of man is supposedly not less productive than his mind, and the most genuine human values are those that do not require logical justification.

Key words: philosophy, psychology, personality, consciousness, will, self-actualization, irrationality, mind.

Главный порок предшествующей философии Джеймс усмотрел в ее отрыве от жизни, в непонимании существа человека. Вместо того чтобы давать человеку целостное представление о мире и о себе, она ставит перед ним недостижимые планки в виде абсолютных истин и ценностей, природу которых к тому же иначе, как туманно, объяснить не может. По мнению Джеймса, следствием дуализмов и брешей, созидаемых ею, оказывается несовместимость науки и религии, невозможность познания мира, потому что идея вещи и сама вещь принадлежат к разнородным субстанциям, стало быть, их сходство недоказуемо.

* Буева Людмила Пантелеевна — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии образования, главный научный сотрудник Института философии РАН. Тел.: (499) 241–57–50.

Джеймс писал едва ли не обо всех аспектах человеческой психологии, от функционирования ствола мозга до религиозного экстаза, от восприятия пространства до психического медиумизма. Он часто рассматривал противоположные стороны вопроса с одинаковым блеском. Не было предела джеймсовской любознательности и не было теории, даже среди мало популярных, с которой ему не интересно было бы поиграть. Он концентрировался на понимании и объяснении основных единиц мышления. Его интерес привлекали фундаментальные понятия, такие как характеристики, мысли, внимание, привычка, чувство рациональности. Его больше интересовало внимание как таковое, чем объекты, на которые кто-то обращает внимание; его больше удивлял сам феномен привычки, чем особые привычки и их сочетание.

Личность, по Джеймсу, возникает как взаимодействие инстинктивных и привычных граней сознания, а также личных волевых аспектов. Патологии, персональные различия, стадии развития, тенденции самоактуализации и все остальные — это формы организации основных строительных блоков, представленных природой и обработанных эволюцией. При внимательном чтении нетрудно обнаружить противоречия в его теоретических представлениях. Он признавал это, называя плюралистическим мышлением, обоснованием, действительным для одного случая, но недействительным для другого. Джеймс считал, что психология не является еще зрелой наукой и не располагает достаточными знаниями, чтобы формулировать основные законы восприятия и чувствования или описать природу сознания. Так что он легко мирился с взглядами, которые противоречили его собственным.

Некоторые теоретики уклоняются от кажущейся парадоксальности личности как чего-то одновременно непрерывного и постоянно изменяющегося. Джеймс же предложил решение, основанное на том, как переживается мысль. То, что наличествует в данный момент, сознательно или нет есть личность. Каждая проявляющаяся мысль берет часть своей силы, фокусировки, содержания и направления из предыдущих мыслей. Сознание, таким образом, не представляется самому себе разделенным на кусочки. Такие слова, как «цепь» или «последовательность», не описывают его адекватно, как оно представляется непосредственно. Оно не есть что-то связанное: оно протекает. Говоря о нем впредь, мы будем называть его потоком мысли, или сознания, или субъективной жизни.

Постоянная тема его писем — возможность личной эволюции, наличие в каждом внутренней способности изменять свое положение и поведение. Он приходит к выводу, что стремление к развитию опирается на некий резервуар определенного рода опыта, латентного или осознанного. Джеймс доказывал, что наиболее сильные мотивы подлинной веры — субъективные.

Уверенность веры в подсознании, то, что она существует параллельно или даже независимо от догматов официальных религии и морали, вовсе не обесценивает религиозных переживаний. Разум — стихия всеобщего. Люди пользуются одной и той же логикой, изучают одни и те же теории. Источник же индивидуации, а стало быть, и творчества, свободы воли, самоутверждения — иррациональная часть психики.

Современный человек, зачарованный успехами науки, с подозрением относится к интуитивным формам постижения реальности. Между тем древние знали гораздо больше, чем мы. В этом одно из поразительных открытий современной науки. Физики, создающие картину мироздания, обнаруживают контуры своих космогоний в индийской и буддийской тантре. Химики высказывают предположение, что их наука — ответвление утраченной алхимической символики. Биологи констатируют известную исстари способность мельчайшей клетки воспроизводить целостность живого существа. Реаниматоры читают как некое пособие тибетскую «Книгу мертвых», написанную двенадцать веков назад. Психологи, разъясняющие природу фантомов сознания, обращаются к шаманизму. Культурологи озадачены потрясающими провозвестиями, заключенными в текстах далекой старины. Астрологи предвещают события...

Культура, судя по всему, это не единый процесс, напоминающий заполнение резервуара. В ее развитии бывают утраты, зоны забвения, вычерки. Но возникают и возвраты, дальние оклики, диалоги давнего и актуального. Мистический компонент культуры у нас тщательно вытравляется. Любое произведение, выпадающее из узкотрактуемой рационалистической традиции, замалчивалось или изобличалось. Философ, опирающийся на интуицию, оценивался как иррационалист. Слово «мистик» приобретало негативный смысл. Между тем мистика обладает несомненным прогностическим потенциалом. Она является специфическим, но полноценным типом знания. В нем скрыты мощные обновленческие тенденции культуры.

Мистик полагает, что приобщиться к тайнам Вселенной можно не только путем размышления, эксперимента, анализа, но и посредством интуиции. Но мистика опиралась не только на интуицию. На протяжении веков они вели тонкую и своеобразную работу с человеческой психикой. Они пытались понять тайны подсознательных, глубинных предощущений. Опыт медитации, т. е. предельного духовного сосредоточения, многодневных постов, умерщвления плоти, рождал, разумеется, какие-то мысли, позволял приобщаться к тайнам мироздания.

Обратимся, скажем, к христианству. Обряд крещения в нем предполагал погружение человека в воду, этот обычай восходит к древним христианам.

Расчет делался на то, что, оказавшись без дыхания, человек сможет освободить потенциал интуиции, обрести глубокий духовный опыт. Угасающее сознание прорвется к непостижимым тайнам.

Между наукой и мистикой существуют многомерные связи. Именно в мистике родилась идея всеохватности, универсальности, цельности мира. Но разве наука исходит не из тех же предпосылок? Оказывается, нет, во всяком случае не всегда... Были эпохи, когда мистика дополняла науку, но, избавившись от смутного интуитивного постижения бытия, наука кое-что утратила. Она стала теснить интуицию, дробить познание.

Великие мистики средневековья Я. Бёме, Парацельс, Майстер Экхарт обладали огромным гностическим даром. Это подчеркивает Н. А. Бердяев: «Ведь должно признать, что истина может открываться через искусство Данте и Достоевского или через гностическую мистику Якова Бёме в гораздо большей степени через Когена или Гуссерля» (Бердяев, 1989: 271). Общеобязательность научного сознания — вовсе, по мнению философа, не единственный прорыв к истине...

Самая сильная сторона большей части оккультных учений — это представление о космичности человека. Только мистики хорошо понимали, что все происходящее в человеке имеет мировое значение и отпечатывается на космосе. Знали они также, что душевные стихии человека — космичны, что в человеке можно открыть все наслоения мира. Например, гнев для мистиков — не только стихия человеческой души, но и стихия космоса. Астрология, как подметил Н. А. Бердяев, угадала неразрывную связь человека с космосом и тем прорвалась к истине, скрытой от науки о человеке, не знающей неба, и от науки о небе, не знающей человека...

Проблема приобретает совсем иное освещение, если мы поставим вопрос конкретно: является ли мистический опыт чисто субъективным феноменом или за ним стоит некая реальность? Мистические учения дают развернутую картину мира. Они описывают Вселенную, ее различные ярусы, раскрывают тайны психики, предлагают способы исцеления, толкуют о строении духа. Причем многие представления о мире и человеке в различных мистических учениях совпадают.

Возникает вопрос: откуда взялось это «тайное знание»? Является ли оно плодом досужего ума, фантазии и вымысла или отражает некую реальность, остов иного бытия? Русские философы — Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев, К. Н. Леонтьев — полагали, что было бы абсолютным упрощением видеть в мистике фантазмагорию. Напротив, они усматривали в этом феномене древнюю формулу универсального постижения бытия.

Н. А. Бердяев считал, что великий русский философ Владимир Соловьев был мистически одаренным. И в самом деле, в творчестве этого

мудреца мы находим множество поразительных мистических прозрений. Соловьев, в частности, был убежден в том, что первый, древнейший период человеческой истории воплощал в себе слитность, необособленность всех сфер общечеловеческой жизни. Неразъемны были теология, философия и наука, мистика, изящное и техническое искусство. Жрецы, философы, ученые находились в то время в непосредственном мистическом общении с высшими силами бытия (Соловьев, 1988: 155).

Действительно, невозможно отделить древнейшую живопись от ваяния и даже зодчества (например, на египетских памятниках). Трудно проследить различие между теологией, философией и наукой. Мистика, изящное и техническое искусство рождаются единым мистическим порывом, представляют собой единое религиозное целое. Эта слитность была в корне потрясена только с появлением христианства...

По мнению Соловьева, истинная, цельная красота может находиться только в мире сверхприродном и сверхчеловеческом. Мистика, стало быть, в его истолковании — это творческое отношение к этому запредельному миру. Вот почему он определяет мистику как «верховное начало жизни общечеловеческого организма» (Соловьев, 1988: 154) и объявляет, что в мистике жизнь находится в непосредственной, теснейшей связи с действительностью абсолютного первоначала, с жизнью божественной...

Откуда же в людях столь стойкое и трудноутолимое влечение к откровению и экстазу? Отчего, заглядывая в себя, каждый может обнаружить в душе глубинную потребность в таинстве? Мистика — этот древнейший тип сознания — никогда не угасала совсем вопреки авторитетным прогнозам и экспертизам. В истории европейского человечества, по крайней мере, отчетливо видны так называемые волны мистики. Есть эпохи, словно безразличные к тайноведению, а есть буквально зачарованные им. Средневековье, как показал Соловьев, одухотворено ренессансом древней мистики. Возрождение, напротив, тянется к античным постижениям разума. Просветители кичатся интеллектом, романтики в противовес им погружаются во всеохватный делириум...

В XVI-XVII вв. складываются специфические отношения между мистической традицией и научным знанием. Нередко теоретические открытия совершались именно в рамках оккультного (тайного, сокровенного) постижения законов мира. Нередко «мистическое» и «научное» составляли в текстах одного и того же автора нечто нерасторжимое. Создавая астрономию, Иоганн Кеплер находился под сильным влиянием идей о небесном совершенстве, а глава английских розенкрейцеров Р. Фладд пытался с помощью кругов, треугольников и других геометрических фигур раскрыть божественную гармонию.

Представители Средневековья и Возрождения унаследовали античную идею о созвучности звездного и подлунного мира. Ученый был одновременно и магом, ибо постигал таинственное. Магия же сводилась к поиску божественных истин в сотворенной природе. Мистическая духовная традиция проникла не только в науку, но и в искусство. Нидерландский художник Иероним Босх создал полотна, содержание которых носит аллегорический, магический характер. Пытаясь расшифровать его картины, многие современные исследователи на Западе, в частности М. Бергман, указывают на то, что их надлежит рассматривать как произведения герметизма.

Французский историк науки Ж. Гальбронн считает, что астрология служит для Кеплера главенствующей частью его космологии, ибо она представляет собой то самое сочленение, которое соединит человека с космосом. Аналогия действительно занимала важное место в научной деятельности одного из основоположников современной астрономии — И. Кеплера. Он, например, увлекался магией цифр, длительное время основывал свои исследования на гамме, которая состояла из семи нот. Однако нельзя забывать, что в период Возрождения и научной революции XVI-XVIII вв. исследование сверхъестественного воспринималось как законная сфера естественных наук. Этой точки зрения придерживались Кеплер, Коперник, Бойль, Ньютон. В той же мере опора на интуицию, фантазийные ресурсы сознания оценивалась как вполне продуктивная дорога к истине...

Математика эпохи Возрождения не просто продолжала разработку геометрии и алгебры, она превратилась в оккультную науку о числе. «Во времена Ньютона, — справедливо отмечает английский физик Д. Бом, теологи и ученые заключили союз, надеясь таким образом решить свои собственные проблемы» (см.: Новые идеи в философии, 1991: 121). Действительно, до конца XVII в. мистика, теология и наука были тесно связаны между собой. И эта полифоничность вовсе не заключала в себе нечто ущербное, криминальное. Напротив, переключка традиций позволяла соотносить каждое открытие с духовными установками, что нередко обогащало процесс тотального постижения мира.

Но затем в судьбе науки произошли существенные изменения. Увлеченная теорией эволюции, достижениями механики, она утратила пафос искания изначальной целостности, универсальности бытия. Духовные корни науки оказались отсеченными. Она во многом потеряла метафизическое, нравственное измерение. Созерцательные, интуитивные компоненты познания стали восприниматься как второстепенные.

*Но так едка была его пытливость,
Что разум вскрыл такие недра недр,
Что самая материя иссякла,
Истаяла под оцупью руки...
От чувственных реальностей осталась
Сомнительная вечность вещества...*

Эти строки принадлежат Максимилиану Волошину, который предвидел последствия такого движения мысли, когда табу накладывается на все, что не сводится к механизму: «на откровенье, таинство, экстаз...» (Волошин, 1988: 300).

Выходит, есть эпохи, где мистика вытравлена? Философы отвергают такое предположение. Скажем, Просвещение кажется эпохой разума, вытеснившей мистику. Но так ли это на самом деле? Стефан Цвейг считал, к примеру, что эпоха Просвещения в целом лишена интуиции. Вселенная представлялась просветителям как весьма совершенный, но требующий усовершенствования механизм. Человек же воспринимался как курьезный мыслящий аппарат. Значит, Просвещение было эпохой разума, вытеснившей мистику? Ничего подобного.

Цвейг пишет о том, что «никогда не был Париж столь жаден до новшеств и суеверий, как в ту начальную пору века просвещения. Перестав верить в легенды о библейских святых, стали искать для себя новых странных святых и обрели их в шарлатанах — розенкрейцерах, алхимиках и филалетах, толпами притекавших сюда; все неправдоподобное, все идущее наперекор ограниченной школьной науке встречает в скучающем и причесанном по философской моде парижском обществе восторженный прием. Страсть к тайным наукам, к белой и черной магии проникает повсюду, вплоть до высших сфер» (Цвейг, 1956: 135).

Человек порою и сам не ведает, что, вопреки себе и своим помышлениям, он впадает в лоно мистики. Этот парадокс подметил Николай Бердяев. Он отмечал, что глашатаи позитивной эры, отвергая религию, вовсе не являли собой идеал рассудочной непогрешимости. Очищая себя от суеверий, они возвращали поразительные иррациональные фантомы. Огюст Конт, к примеру, был верующим по своей психологической природе. Но дело не только в этом. Рассуждая о крахе религии, он одновременно бессознательно сближал человечество с вечной женственностью христианской мистики. Да и само его учение напоминало культ, близкий к католицизму.

Людвиг Фейербах называл себя религиозным атеистом, но в то же время оказался страстным глашатаем новой религии человечества. Герберт Спенсер

причудливо соединял в собственной доктрине веру в непознаваемое и в мировое развитие.

Итак, мистика — это Гнозис, своеобразная форма постижения мира. «Око пророческого знания, — говорится у Джеймса, — открывает то, что сокрыто от очей разума». Мистический опыт подрывает авторитет немистического сознания, основанного только на рассудке и чувствах. Он показывает, что последнее представляет собой только один из видов сознания. Мистический же опыт предельно многолик и разнообразен.

При обсуждении этой проблемы (действительно ли мистика разнохарактерна) в современной литературе просматриваются по крайней мере три возможных версии. Первая сводится к тому, что все виды мистического опыта в его описании едины. Вторая относит идентичность только к самому опыту, подчеркивая вместе с тем, что способы фиксации этих всегда тождественных друг другу переживаний обусловлены культурно–религиозной символикой. Наконец, еще одно предположение: мистический опыт разнообразен, может быть типологизирован. Однако его описание ограничено языковыми и культурными рамками.

В какой мере можно доверять мистическому опыту? Иначе говоря, раскрывает ли некие фантомы сознания или демонстрирует феноменологически достоверную реальность. В работе У. Джеймса это формулируется так: «Является ли чувство присутствия божества доказательством существования последнего?» Окончательный ответ на этот вопрос был бы, вероятно, разгадкой всех тайнств бытия.

Понятное дело, нужно проводить различие между духовным опытом и теми онтологическими достоверностями, которые, возможно, проступают в нем. По крайней мере, не следует с порога отметать допущение, что в мистическом опыте обнаруживается иное бытие. Но разве, кроме того, размышление над загадками сознания как такового не может увлечь исследователей?

Судя по всему, никаких окончательных характеристик мистического опыта нет. Любые признаки его, в том числе и те, которые выделяет У. Джеймс, относятся к различным видам опыта — этическому, естественному, религиозному. Это дает основание говорить о том, что существует многообразие инсайтов, которые позволяют проникнуть в глубины истины. Но в той же мере можно говорить и о многообразии истин.

Мистический опыт, несомненно, архетипичен. Однако вряд ли есть основания говорить об универсальных общих характеристиках мистицизма для всех культур, религий и цивилизаций мира. Разумеется, многие современные исследователи пытаются представить сущностное единство мистического опыта, описанного в различных культурных и религиозных

традициях. Актуальным, однако, остается вопрос: является ли мистический опыт чисто субъективным феноменом или он обладает статусом своеобразной действительности и представляет собой метафизическую реальность?

Благодаря интуитивным прозрениям современных ученых изначальная простота может явиться в акте целостного, всеобъемлющего взгляда, как это происходило, например, в мистическом озарении древнего шамана. Вот почему рождается сегодня множество провозвестий, которые формируют научную парадигму, но являются результатом фантазийной работы ума.

Действительно ли разум присутствует во всех формах материи? Можно материю, жизнь и сознание рассматривать как уровни эволюционного развития? Верна ли гипотеза, что форма взаимодействует с энергией? Физики, например, все чаще склоняются к убеждению, что сама окружающая нас реальность призрачна. Бытие многолико и зыбко. Но для мистика такое откровение — совсем не новость. В древнеиндийских учениях Майя — это магическая сила сотворения. Она же иллюзия, видимость, фантом. За внешней данностью скрывается нечто иное. Реальность изменчива, но можно привыкнуть к одному из ее образов. Эту древнюю интуицию пытается осмыслить современная физика, которая также наталкивается на обманчивость кажимости, на идею множественности фантомных миров.

Мистика — это, стало быть, вера в возможность непосредственного общения человека со сверхъестественным началом или убеждение в возможности сверхопытного и сверхчувственного познания. Речь идет о совокупности явлений и действий, которые каким-то образом связывают человека с тайным существом, с непостижимыми силами природы, независимо от условий пространства, времени и физической причинности.

Можно, следовательно, говорить о мистике как о поиске истины и реальности, которая выходит за пределы чувственной и интеллектуальной сфер. Этот поиск, не опосредованный чувством или разумом, носит характер личной страсти. Он позволяет войти в такие просторы, которые недоступны обычному познанию. Это непосредственное постижение бытия и смысла всего сущего, включая и наше сознание.

Мистик видит единство там, где обычный взор усматривает лишь многообразие и разобщенность. Мистический опыт — особый вид сознания. Оно в этом значении нечувственно и неинтеллектуально. Мистическое сознание улавливает изначальное единство всех вещей. В этом океаническом сознании устраняются различия между индивидом и миром...

Работы Джеймса чрезвычайно расширили представление о человеке и его внутреннем мире. Обратив внимание на мистические феномены, американский философ показал неисчерпаемость внутреннего мира человека,

его глубину. Он значительно расширил спектр проблем, относящихся к сокровенным, интимным состояниям человека. Сегодня многие из идей Джеймса получили развернутое освещение в трансперсональной психологии.

Список литературы

- Бердяев, Н. А. (1989) *Философия свободы. Смысл творчества*. М.
- Волошин, М. (1988) *Избранные произведения*. М.
- Гуревич, П. С. (1993) *Роптания души и мистический опыт (Феноменология религии У. Джеймса)* // Джеймс, У. *Многообразие религиозного опыта*. М.
- Майков, В., Козлов, В. (2004) *Трансперсональная психология. Истоки, история, современное состояние*. М.
- Новые идеи в философии. Ежегодник философского общества СССР (1991)*. М.
- Павлова, Л. Е., Гуревич, П. С., Хорьков, М. Л. (1997) *Философское благовестие прагматизма* // Джеймс, У. *Воля к вере*. М.
- Соловьев, В. С. (1988) *Философские начала цельного знания* // Соловьев Вл. *Соч.: В 2 т. Т. 2*. М.
- Цвейг, С. (1956) *Собр. соч.: В 12 т. Т. 6*. М.